
**КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ**

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. ЛЕФЕВРА “АЛГЕБРА СОВЕСТИ”.
М.: Когито-центр, 2003**

У этой книги необычная судьба. Первое ее издание вышло в 1982 г., “холодная война” была в разгаре, и вывод автора, что под видимыми идеологическими различиями ее участников находится глубинный раскол, связанный с существованием двух этических систем, вызвал бурную полемику. Правые обвиняли Лефевра в том, что он идеализирует советское общество, в котором этика и мораль вообще отсутствуют, а левые видели в этой книге очередной проиcск империализма.

Хотя эта полемика и сделала книгу знаменитой, она в чем-то заслонила ее основное психологическое и философское содержание, которое в полной мере открылось лет через десять после ее опубликования. В 2001 г. голландское издательство “Клювер” выпустило второе, значительно расширенное ее издание. Рецензируемая книга – русский перевод этого издания, опять же дополненный автором.

В чем же заключается главное содержание “Алгебры совести”? В ней изложен, причем систематически, формально-психологический метод анализа процессов выбора в сложных ситуациях, когда альтернативы имеют для человека как неодинаковую привлекательность, так и различный моральный смысл. Рассмотрим один из примеров, приведенных в книге. Некто имеет возможность продать вместо картины известного художника прилично изготовленную подделку. В случае, если продавец откроет покупателю правду, он получит за картину сто долларов, а если скроет правду – миллион. Вопрос: с какой вероятностью, в идеале, этот человек скажет правду?

Традиционные утилитаристские модели, используемые в психологии выбора, предсказывают, что он почти наверняка выберет более выгодную для себя альтернативу: солгать и получить миллион долларов. Модель Лефевра говорит: это произойдет лишь при условии, что моральная поляризация альтернатив у данного человека совпадает с их выгодностью, т.е. “добро” для него явится более выгодная альтернатива, в данном случае сокрытие правды, а “зло” – менее выгодная, а именно – раскрытие правды. Однако ситуация разительно меняется, если моральная поляризация альтернатив в этом конкретном примере противоположна их выгодности, т.е. сказать правду это “добро”, а скрыть ее – “зло”. В этом случае модель предсказывает, что

человек в рассматриваемом примере скажет правду с вероятностью, немного большей одной второй.

Приведенный пример поясняет один из психологических принципов, заложенных в модели. Выбор человека имеет два аспекта. Автор обозначает их терминами: деонтологический и утилитарный. Первый связан с их моральной оценкой, а второй – с выгодой.

Метод, изложенный в книге, позволяет анализировать и значительно более сложные ситуации, в которых сегодняшний выбор субъекта оказывает влияние на события, которые могут потенциально произойти в будущем. Техническая сущность метода, изложенного в “Алгебре совести”, состоит в том, что реальному субъекту, находящемуся в ситуации выбора, ставится в соответствие определенное уравнение. В книге сформулировано правило, по которому это делается. Для специалистов, моделирующих процессы принятия решений, особый интерес должны представлять главы XIV, XV и XVI второй части книги, в которых субъекту соответствуют нелинейные уравнения. Автор связывает эти уравнения с теорией динамических систем и показывает, при каких условиях выбор субъекта начинает обладать чертами хаотичности. В этом случае невозможно предсказать не только то, какую именно альтернативу выберет субъект, но даже и вероятности, с которыми альтернативы будут выбираться.

Тот факт, что модель способна выделять случаи, когда прогноз невозможен в принципе, чрезвычайно ценен. Это означает, что модель “советует” исследователю не тратить силы и средства, пытаясь предсказать принципиально непредсказуемый выбор субъекта. Однако возможности этой модели не исчерпываются лишь ее предсказательной силой. Модель субъекта включает в себя его рефлексивную структуру, т.е. иерархию образов самого себя и другого, который вступает в отношения с данным субъектом. Тем самым модель позволяет не только отражать выбор субъекта, но и связывать его с синхронно протекающими процессами оценки самого себя и другого, а также отражениями этих оценок на следующих этапах рефлексивной иерархии.

В начальной части “Алгебры совести”, которая почти полностью соответствует основному тексту первого издания, показано, как внутрен-

нее стремление лучше выглядеть в собственных глазах предопределяет выбор отношения с партнером. Таким образом, выбор отношения может быть предопределен не только какими-либо утилитарными, но и внутренними факторами. Важнейший вопрос, возникающий при формальном описании ментального процесса генерации выбора, заключается в том, чтобы отделить врожденную компоненту этого процесса от культурно приобретенной. Лефевр полагает, что общая вычислительная схема, заложенная в человеческую ментальность, носит врожденный характер.

Итак, формальные процедуры работы с моральными оценками “хорошо” и “плохо” не зависят от социального контекста. Однако общество способно предопределить характер вычислительного процесса, при этом не затрагивая формальных правил, по которым он идет. В данной связи Лефевр делает различие между системой ценностей и этической системой. Он пишет: “Любая обособленная организация людей имеет более или менее определенный “перечень” элементов, каждый из которых соотносен с кодами добро и зло. Элементами таких списков могут быть природные и социальные явления (землетрясение, голод, победа в сражении), предметы культа (храм, икона, национальный символ), а также поступки и качества людей (ложь, убийство, доброта, самоотверженность). Такой перечень мы называем системой ценностей” (стр.51)

Как отмечает автор, мы обычно оперируем не с одной ценностью, а с целым их комплексом. Поэтому когнитивная система человека должна владеть правилами перехода от оценок элементарных ценностей к оценкам комплексов, которые также предопределяются обществом.

Лефевр показывает, что таких правил только два. Первое говорит, что соединение добра и зла есть зло, а второе правило – что это есть добро. Эти правила и предопределяют то, что автор называет этическими системами. Две культуры, имеющие сходные системы ценностей, могут существенно отличаться, если в них реализованы разные этические системы. Формальное рассмотрение связи выбора отношения с другим человеком и этической системой приводит к неожиданному результату. В первой этической системе, где соединение добра и зла есть зло, человек поднимается в собственных глазах, когда выбирает отношение союза с другим человеком. Во второй этической системе, где соединение добра и зла есть добро, человек поднимается в собственных глазах, когда выбирает конфронтацию.

Из этого следует вывод: в обществе, где главенствует вторая этическая система нет процедуры разрешения конфликта, сохраняющей честь и достоинство его участников. Конфликт либо заканчивается победой одной из сторон, либо пре-

кращается вышестоящей инстанцией. “Если такой инстанции нет, даже незначительное противоречие способно неограниченно разрастись, приводя к социальным катастрофам, в которых гибнут тысячи людей” (стр.36).

Формализм модели позволяет построить типологию “нормативных” характеров, соответствующих каждой этической системе. Такие характеры в каждой системе могут быть разделены на два класса: жертвенные и нежертвенные. В то время как во второй этической системе жертвенный индивид имеет тенденцию драматизировать конфликт, в первой системе он же стремится разрешить конфликт, лишая его драматических черт. Автор с этой точки зрения, анализирует характеры героев “Преступления и наказания” Достоевского, демонстрируя на примере Раскольникова, каким образом обе этические системы сосуществуют в личности одного человека.

Совершенно новой во втором английском издании и его русском переводе является вторая часть книги, где автор моделирует процесс предпочтения человеком программы, в соответствии с которой он будет совершать выбор конкретной альтернативы в будущем. Этот выбор зависит от событий, исход которых в момент выбора программы еще неизвестен. Суть расширения теории на данный случай заключается в том, что субъекту ставится в соответствие такое уравнение, решением которого являются алгоритмы. Записав и решив уравнение, можно получить ограниченный набор программ, каждая из которых может быть потенциально выбираться субъектом.

Выбор программы будущего выбора автор называет метавыбором. Лефевр показывает, что на этом пути возможно объяснить глубинный смысл знаменитой дилеммы заключенного, попыткам разрешить которую посвящены сотни работ. В этой дилемме отражается главный парадокс теории рационального выбора. Обычно ее формулируют как проблему, стоящую перед двумя арестованными и изолированными друг от друга людьми. Их обвиняют в серьезном преступлении. Прокурор сообщает каждому из них, что в случае, если они оба признают свою вину, каждый получит три года тюрьмы, если оба будут отрицать вину – два года, однако, если один признается, а другой нет, то первый получит всего год, а второй пятьдесят лет. Дилемма заключается в том, что любое решение игрока имеет изъян: если он признается, то лишает себя возможности выйти на свободу через год, а если он будет молчать, то рискует быть осужденным на пятьдесят лет.

Лефевр дополнил эту ситуацию моральными оценками. Предположим, эти люди были арестованы по ошибке. Тогда признание себя виновным есть ложь, т.е. выбор негативного полюса, а от-

каз от признания есть правда, выбор позитивного полюса. После такого дополнения каждому игроку может быть поставлено в соответствие уравнение, и оказывается, что эти уравнения не имеют решений!

Таким образом, формальным аналогом дилеммы является неразрешимость уравнений. С психологической точки зрения это означает, что когнитивная система каждого заключенного в подобной ситуации не способна породить хотя бы одну программу выбора.

Такой подход открыл совершенно новые возможности для предсказания стратегических решений. Поэтому неслучаен все возрастающий интерес американских специалистов в области моделирования боевых действий к методу, изложенному в “Алгебре совести”. Так, в университете штата Новая Мексика, в лаборатории физических наук разрабатываются новые принципы предсказания поведения террористов, основанные на моделях, предложенных Лефевром.

Следует подчеркнуть, что модель биполярного выбора, описанная в “Алгебре совести”, может использоваться и далеко за пределами собственно морального выбора. В русской версии книги

описывается, как с помощью этой модели удалось добиться прогресса в решении трех психологических проблем, связанных с оценочной деятельностью человека.

Этот успех модели может рассматриваться как свидетельство того, что в ней отражены тонкие психологические механизмы, итогом работы которых является акт биполярного выбора. В каком-то смысле автору удалось реализовать мечту нескольких поколений психологов, создав аналитический аппарат для решения определенных психологических проблем, работающий столь же формально, как аналитические методы теоретической физики.

“Алгебра совести” безусловно имеет общекультурное значение. Не случайно выдающийся российский специалист в области математической психологии В.Ю. Крылов включал ее фрагменты в свой курс высшей математики, который он читал на психологическом факультете МГУ.

В.Е. Ленский,
доктор психологических наук, Москва

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ “СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК: СОЦИАЛЬНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ” М.: Языки славянской культуры, 2003

Рецензируемую книгу необходимо рассматривать в контексте развивающихся исследований междисциплинарной проблемной области, которая может быть обозначена по-разному – исследования дискурса, анализ вербальной коммуникации, социопсихолингвистика. На материале современного русского языка авторы анализируют вопрос о влиянии на дискурс двух классов переменных: социальных характеристик говорящего (таких, как социальная роль, статус, уровень образования) и факторов коммуникативной ситуации (место и время коммуникативного акта, его продолжительность, партнеры общения и т.п.). Такой подход принципиально отличается от традиционного, обнаруживая не застывшую картину социального расслоения языка вне зависимости от условий его функционирования и раскрывая влияние социальных переменных на разговорную практику в разнообразных коммуникативных контекстах.

Значимость исследований в этой области, помимо теоретических соображений, определяется потребностями практики, ведь прикладные задачи гуманитарного типа непосредственно связаны с оперированием дискурсом. Как соотносятся со-

циальная структура общества и социальная структура языка – современные исследования относятся от представления об изоморфизме этих отношений, но каковы они, если не изоморфны? Как зависят параметры речевого поведения от изменения социальной роли говорящего, смены адресата, от того, общается он со “своими” или “чужими”? Материал для ответа на эти и другие актуальные вопросы дает использованный авторами “динамический” подход, который учитывает реальную полигlossность членов социума и обуславливающие ее социально-психологические факторы (членство в малых группах, ролевые позиции и пр.). Человек владеет несколькими коммуникативными кодами, функционирующими в обществе, и успешность общения во многом “определяется тем, насколько совершенно это владение, насколько легко может индивид переключиться с одного кода на другой при смене социальной роли” (с. 24).

Заинтересованный читатель, внимание которого обязательно привлечет книга, оценит не только новизну подхода, но и богатство представленного материала: речевой мир митинга, семейное речевое общение, дискурс рыночной площа-